

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: О РАТИФИКАЦИИ КАЗАХСТАНОМ ПРОТОКОЛА О ПРАВЕ, ПРИМЕНИМОМ К АЛИМЕНТНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ 2007 Г.

Н.С. ЕШНИЯЗОВ,
PhD, старший преподаватель
кафедры международного права
Университета КАЗГЮУ
им. М.С. Нарикбаева,
Астана, Казахстан

Для Казахстана перевод ратифицируемых международных договоров обычно не представляет собой большую проблему – в республике официально употребляется русский язык, являющийся аутентичным для многих международных актов. Если договор составлен на других языках, часто можно воспользоваться переводом России, ставшей участником договора ранее. Однако, пример Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам 2007 г. показывает, что к самостоятельному переводу Казахстан не готов. В статье указаны многочисленные ошибки, допущенные при переводе Протокола и приведены рекомендации по их устранению и недопущению в дальнейшем.

Ключевые слова: юридический перевод, Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам, Гаагская Конференция по международному частному праву, коллизионное право, международное частное право.

Введение

9 апреля 2016 г. Казахстан ратифицировал Конвенцию о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи (далее – Конвенция) и Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам (далее – Протокол), разработанные Гаагской Конференцией по международному частному праву в 2007 г.¹ Не беремся утверждать наверняка, но, по-видимому, это первый случай, когда страна вступает в многосторонние договоры, не имеющие аутентичного текста на русском языке, раньше России. Это обстоятельство обнажает проблему, с которой нам придется сталкиваться каждый раз при ратификации договора раньше РФ – необходимость самостоятельного перевода текста на русский язык. Перевод Протокола показывает, что к такой задаче республика объективно не готова.

Данная статья освещает недостатки перевода текста Протокола на русский язык, *якобы* (см. далее) осуществленного компетентными органами РК в связи с его ратификацией. Казахский текст не будет предметом скрупулезного рассмотрения, поскольку плачевность ситуации в этом плане общеизвестна даже в отношении актов националь-

© Н.С. Ешниязов, 2018

¹Закон РК от 09.04.2016 г. № 492-V «О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи и Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам» // URL: <http://www.zan.gov.kz/#!/doc/101247/rus>. Все ссылки на источники в сети «Интернет» актуальны на 11.06.2018 г.

ного законодательства. Перевод на казахский, очевидно совершённый с русского текста, будет использован главным образом для уточнения смысла, вкладываемого отечественным законодателем в содержание норм Протокола при возможных разночтениях.

В качестве исходного материала были использованы:

– русскоязычный текст Закона от 9 апреля 2016 года № 492-V, содержащий в виде приложений тексты Конвенции и Протокола, опубликованный в Эталонном контрольном банке нормативных правовых актов РК в электронном виде.² Достоверность источника не вызывает сомнений – согласно сайту Республиканского центра правовой информации Министерства юстиции, «эталонный банк включает нормативные правовые акты Республики Казахстан в контрольном состоянии. Является источником официального опубликования НПА».³ К сожалению, «Егемен Қазақстан»⁴ и «Казахстанская правда»⁵ ограничились публикацией только текстов Закона без приложений; сайт Министерства иностранных дел⁶ данных по Протоколу не содержит. Как бы то ни было, текст из эталонного банка полностью соответствует тексту из не менее авторитетной Информационно-правовой системы «Әділет» того же Республиканского центра правовой информации (РЦПИ);⁷

– аутентичные английский⁸ и французский⁹ тексты Протокола, опубликованные на сайте Гагской Конференции;

– казахский текст Закона из эталонного банка и системы «Әділет».¹⁰

I. Авторство перевода

В тексте Приложения 2 к Закону содержится запись следующего содержания: «настоящим удостоверяю, что данный перевод Протокола на казахском и русском языках соответствует тексту Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам. Директор департамента Международного права и сотрудничества Министерства юстиции Республики Казахстан А. Ахметова». В Пояснительной записке к проекту постановления Правительства «О проекте Закона Республики Казахстан

²Там же.

³Паспорт проекта «Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан» // URL: <http://www.rkao.kz/ru/node/4172>

⁴Егемен Қазақстан. 19.04.2007. №73 (28801).

⁵Казахстанская правда. 19.04.2017. №73 (28199).

⁶Список многосторонних международных договоров Республики Казахстан // URL: <http://mfa.kz/ru/content/mnogostoronnie-mezdunarodnye-dogovory-respubliki-kazahstan>

⁷Закон Республики Казахстан от 9 апреля 2016 года № 492-V О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи и Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000492>

⁸Protocol of 23 November 2007 on the Law Applicable to Maintenance Obligations // URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=133>

⁹Idem.

¹⁰Балаларға алименттерді және отбасын күтіп-бағудың басқа да нысандарын өндіріп алудың халықаралық тәртібі туралы конвенцияны және Алименттік міндеттемелерге қолданылатын құқық туралы хаттаманы ратификациялау туралы Қазақстан Республикасының 2016 жылғы 9 сәуірдегі № 492-V Заңы // URL: <http://www.zan.gov.kz/#!/doc/101247/kaz>. См также: URL: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1600000492>

«О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи и Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам»», указано, что научно-правовая экспертиза проекта проведена Консалтинговой группой «Болашак» (№ 62 от 15 мая 2012 г.), а лингвистическая – ГУ «Институт законодательства» (№ 18-07/2416 от 19 декабря 2013 г.).¹¹

Определить лицо, которому формально приписывается собственно перевод, автору не удалось, зато не составило особого труда найти первоисточник, откуда почти дословно заимствован текст – публикация И.А. Орловой в российском «Журнале международного частного права».¹²

Связь между текстом Закона и переводом И.А. Орловой очевидна не столько по объективному совпадению, сколько по тому, что скан последнего выставлен на сайте Гагской Конференции в разделе «Русские переводы Гагских Конвенций».¹³ По-видимому, ответственные лица не стали утруждать себя не только переводом, но и элементарным анализом «готового» текста – его качество не выдерживает никакой критики. При этом, сайт Конференции не утверждает авторитетность и тем более аутентичность данного перевода, выставляя его, по-видимому, только в ознакомительных целях. Следует также отметить, что заимствование перевода казахстанскими властями можно расценивать, как нарушение авторских прав, поскольку он сопровождается текстом «© Перевод Орловой И.А.».

Разработчики Закона не смогли не ухудшить и без того неидеальный перевод – в статье 8 нарушен принцип нумерации подпунктов: «1 – 1; 2; 3; 4; 1. 2. 3. 4.» в Законе вместо «1 – a; b; c; d; 2. 3. 4. 5.» в оригинале. Получается, что п. 5 ст. 8 в оригинале Протокола соответствует п. 4 ст. 8 в изложении Закона РК (sic!), а еще, в нашем варианте статья имеет два пункта 1. Таким же образом, в ст. 11 оригинальная последовательность «a; b; c; d; e; f» приведена, как «a; 1; 2; 3; 4; 5». При этом, ошибка отсутствует в казахском переводе, таким образом, противоречие возникает уже между текстами Протокола на русском и государственном языке.

Необходимо отметить, что «перевод» ратифицированной этим же Законом Конвенции, являющийся таким же копипастом с материала,¹⁴ выставленного на том же сайте,¹⁵ выглядит не в пример лучше в связи с объективно лучшим качеством оригинала.

¹¹Пояснительная записка к проекту постановления Правительства «О проекте Закона Республики Казахстан «О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи и Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам»» // URL: www.adilet.gov.kz/sites/default/files/prilozhenie_0.docx

¹²Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам. Перевод И.А. Орловой // Журнал международного частного права. 2008. № 3 (31). – С. 94-103.

¹³Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам. Перевод И.А. Орловой // URL: https://assets.hcch.net/upload/text39_ru.pdf

¹⁴Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи. Перевод К.Д. Шестаковой // Журнал международного частного права. 2008. № 3 (31). – С. 37-67.

¹⁵Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи. Перевод К.Д. Шестаковой // URL: https://assets.hcch.net/upload/text38_ru.pdf

II. Общие недостатки перевода

Мы далеки от того, чтобы обвинить в недостатках нашего Закона непосредственного переводчика – по-нашему, если бы г-жа Орлова предполагала, что ее труд будет принят за основу официальной ратификации в каком-либо государстве, она бы отнеслась к переводу с большей обстоятельностью, а может, и вовсе отказалась бы от публикации. Ситуация полностью на совести казахстанских ответственных лиц. Тем более, нельзя возложить на И.А. Орлову повтор ошибок в казахском тексте. Но как бы то ни было, в тексте прослеживаются упущения, свидетельствующие об отсутствии навыков профессионального юридического перевода.

Так, повсеместно обнаруживается непоследовательность перевода одних и тех же выражений. Например, выражение «*shall not apply*» / «*ne s'applique pas*» в ст. 15.2 и ст. 16.3 переведено как «не применяется» и «не должна применяться». «*Law of the forum*» / «*loi du for*» в ст. 4.2 обозначено как «закон суда», а в ст. 4.3 – как «право суда». Здесь же прослеживается невладение устоявшейся терминологией международного частного права – общепринятым в отношении *lex fori* считается оборот «право страны суда». ¹⁶ Примечательно, что в тексте Конвенции, составляющем первое Приложение к Закону (заимствованном с перевода К.Д. Шестаковой), «*law*» / «*loi*» переведено и вовсе как «законодательство».

Невладение общепринятой терминологией заметно и в использовании оборотов «более тесные отношения», «развод», «соединяющий фактор», «собрание правовых норм» вместо, соответственно, «более тесная связь», «расторжение брака», «коллизийная привязка», «совокупность правовых норм». Но если применение данных терминов в целом не искажает смысл предмета, в ряде других случаев машинное калькирование не столь безобидно, особенно в контексте дальнейшего некачественного перевода на казахский язык.

Так, в названии ст. 15 «*internal conflicts*», означающее «внутренние (интерлокальные) коллизии», ¹⁷ переведено как «внутренние конфликты», и, далее – «*ішкі жанжалдар*». Между тем, «*жанжалдар*» в казахском имеет смысл «распри, раздоры» и при максимальной натяжке может означать конфликт исключительно между субъектами, но не нормами права. Эта тенденция усугублена в названии ст. 17, где «*inter-personal conflicts*» вместо устоявшегося оборота «интерперсональные коллизии» ¹⁸ переведены как «межличностные конфликты». На казахском это звучит уже как «жеке адамдар арасындағы жанжалдар», т.е. «раздоры между отдельными людьми». Если термин «интерперсональные коллизии» выглядит излишне доктринально, следовало бы взять за основу название статьи на французском языке – «*systèmes juridiques non unifiés à caractère personnel*» и перевести, как «неунифицированные правовые системы персонального характера».

Во многих местах сохранена последовательность слов английского текста, на-

¹⁶См., например, ст.ст. 1085, 1095, 1096, 1111 ГК РК.

¹⁷Т.е., коллизии между нормами отдельных систем права, действующих в одном и том же государстве.

¹⁸Коллизии между подсистемами права одной и той же страны, устанавливающими различное регулирование для разных категорий лиц по этническому, религиозному, кастовому и др. признаку.

пример, в ст. 16: «в отношении государства, в котором две или больше правовые системы или собрания правовых норм относительно любого вопроса, затронутого в этом Протоколе, применяются в различных территориальных единицах...». С точки зрения русского языка, более удачной была бы формулировка «В отношении государства, в различных территориальных единицах которого к любому вопросу, затрагиваемому настоящим Протоколом, применяются две или более системы права или совокупности правовых норм...».

Совсем не красят текст грамматические ошибки вроде «право, применимое к алиментным обязательствам, определяет... сроки или исковая давность» (ст. 11.4), «настоящий статья» (ст. 15.2), «возраст» (ст. 4.1.b); в статьях 6 и 14 пропущены запятые перед словом «так», в Преамбуле – в обороте «о праве применимом к алиментным обязательствам» (дважды).

III. Критические ошибки перевода

В переводе очень много неточностей «на грани фола», когда буквальное толкование делает текст бессмысленным, но общая мысль все же остается понятной. Так, согласно ст. 16.1.a, касающейся интерперсональных коллизий, «любое указание на право государства считается при ссылке на него... действующим правом в соответствующей территориальной единице». Выходит, что действующим правом считается указание на право, а не само право. Мы не будем заострять внимание на подобных случаях – достаточно квалифицированному лицу понятно, что речь идет о том, что «любая ссылка к праву государства... относится к праву, действующему в затронутой территориальной единице».

Однако в ряде мест беспечность переводчика не так простительна. Например, непрофессионал в области международного частного права не поймет ст. 12 «Исключение обратной отсылки»: «в Протоколе термин «право» означает право, действующее в государстве, ином, чем предусмотренное его коллизийными нормами». В каком государстве, ином, чем какое? Предусмотренное чьими коллизийными нормами?

Обращение к казахскому тексту и вовсе превратит толкование статьи в игру «испорченный телефон»: «Хаттамада «құқық» термині мемлекетте, оның басқа коллизийлық нормаларда көзделгеннен өзге де құқықты білдіреді». Нарушены элементарные правила грамматики – нет слова, согласующегося с «оның», поскольку в слове «нормаларда» отсутствует суффикс *-ын*; обратно на русский предложение переводится, как «в Протоколе термин «право» в государстве означает право, также иное, чем предусмотренное в других коллизийных нормах его».

Правильным был бы следующий перевод: «термин «право» в Протоколе означает право, действующее в государстве, за исключением его коллизийных норм». Название статьи переведено также половинчато, поскольку «*renvoi*» означает как обратную отсылку, так и отсылку к праву третьей страны, ¹⁹ «*кері жөнелту*» из ка-

¹⁹Подробнее см.: Ешниязов Н.С. О термине «обратная отсылка и отсылка праву третьей страны» в международном частном праве // *Materiály XII Mezinárodní vědecko-praktická konference «Dny vědy - 2016»*. Praha: Education and Science s.r.o, 2016. P. 32-35.

захского текста более соответствует «обратной отправке» и расходится с принятым в Гражданском Кодексе оборотом «кері сілтеме».²⁰

Статье 4.2 придан диаметрально противоположный смысл: «если кредитор в состоянии в силу права, упомянутого в статье 3, получить алименты от должника, то применению подлежит закон суда». Получается, что Протокол нацелен на лишение кредитора алиментов, иначе зачем применять закон суда, когда претензия основана на иностранном праве? В оригинале закон суда должен применяться субсидиарно, «если кредитор не в состоянии получить алименты в силу права, упомянутого в ст. 3» – «if the creditor is unable... to obtain maintenance» / «lorsque le créancier ne peut pas obtenir d'aliments».

Аналогичная ошибка допущена в переводе ст. 8: «если во время выбора стороны были полностью проинформированы и осведомлены о последствиях их выбора, право, определенное сторонами, не применяется, если его применение привело бы к явно несправедливым или необоснованным последствиям для любой из сторон». Какой смысл не применять определенное сторонами право, если стороны были проинформированы и осведомлены о последствиях выбора? В оригинале же значится «unless... the parties were fully informed and aware of the consequences of their designation...» - выбранное право не применяется «за исключением случаев, когда стороны были полностью проинформированы и осведомлены о последствиях их выбора». Взяв за основу французский текст – «à moins que les parties n'aient été pleinement informées et conscientes des conséquences de leur choix.. la loi désignée ne s'applique pas», получаем ту же мысль, но через двойное отрицание: «если стороны не были полностью проинформированы и осведомлены о последствиях их выбора, право, определенное сторонами, не применяется».

Наверно, невнимательностью переводчика объяснимо также упущение слова «habitual» / «habituelle» в переводе ст. 8.1.b, таким образом, «государство обычного места жительства» превращено в «государство места жительства», игнорируя нетождественность этих понятий. Здесь же причастие прошедшего времени в выражении «the law designated by the parties as applicable» / «la loi désignée par les parties pour régir» переведено на русский в настоящем времени – как «право, определяемое сторонами как применимое», а на казахский – и вовсе в форме будущего времени, «тапантар айқындайтын құқық». Юридическое значение времени заключения соглашения в объявлении не нуждается.

Существенна ошибка в ст. 4.3: «если кредитор находится в компетенции властей государства, где должник имеет обычное место жительства, то применяется право суда». В оригинале применены обороты «if the creditor has seised the competent authority» / «lorsque le créancier a saisi l'autorité compétente» – «если кредитор обратился к компетентной власти». Между тем, кредитор может обращаться к компетентной власти, не находясь в ее компетенции, более того, создание такой возможности и является одной из целей Конвенции (ст. 10), приложением к которой является Протокол.

Во втором предложении этого же пункта пропущено ключевое слово: «если кредитор в силу закона не может получить алименты от должника, то подлежит

применению право государства обычного места жительства кредитора». Создается впечатление, что указанное в статье право применяется, если кредитор не может получить алименты в силу любого закона, в то время, как английский текст предусматривает «by virtue of this law» – «в силу этого права», а французский и вовсе однозначное «en vertu de la loi du for» – «в силу права [страны] суда». Обращаем внимание и на то, что в первом предложении «law» / «loi» переведено как «право», а во втором – как «закон».

Грубо искажен смысл статьи 10: «право государственного органа требовать компенсации содержания, предусмотренного кредитором в месте выплаты алиментов, регулируется правом, которому подчинен данный орган» и 11: «Право, применимое к алиментным обязательствам, определяет... 5. размер алиментного обязательства должника, если государственный орган требует компенсацию, предусмотренную для кредитора в месте уплаты алиментов». В оригинале речь идет о содержании, предусмотренном не в месте выплаты, а вместо алиментов – «in place of maintenance», данный смысл точнее выражен во французском тексте – «en lieu et place d'aliments». Между тем, указанные обороты переведены верно в ст. 14: «...потребности кредитора и средства должника так же как любая компенсация, которую кредитор предоставляют вместо периодических алиментных платежей, принимаются во внимание при определении размера алиментов».

По всему тексту неправильно переведены термины «extent» / «measure». В ст. 11, определяющей сферу действия применимого права, п. «а» гласит: «whether, to what extent and from whom the creditor may claim maintenance» / «si, dans quelle mesure et à qui le créancier peut demander des aliments», что переведено, как «может ли, в каком размере и от кого кредитор требовать алименты». Между тем, «extent» / «measure» имеют более широкое значение, чем «размер» и могут также охватывать основания, временные рамки выплаты алиментов, условия зачета встречных требований и т.д. Таким образом, лучше бы звучал вариант «в какой мере (или «в каких пределах») кредитор может требовать алименты».

В п. «b» ст. 11 (п. 2 по нумерации русского текста) эта ошибка сопровождается другой: «размер выплаты задолженности, которую может требовать кредитор». В оригиналах – «the extent to which the creditor may claim retroactive maintenance» / «la mesure dans laquelle le créancier peut demander des aliments rétroactivement». Слово «задолженность» искажает суть вопроса – согласно КоБ(С)С, задолженность, при отсутствии соглашения об уплате алиментов, определяется судебным исполнителем и исчисляется с момента вступления в силу решения суда (ст. ст. 169, 171), тогда как в Протоколе речь идет об алиментах, начисляемых судом ретроактивно, «задним числом». Задолженность по алиментам звучала бы как «maintenance debt / dette des aliments». Если термин «ретроактивные алименты» представляется чуждым, уместен вариант «в какой мере кредитор может требовать алименты за срок, предшествующий обращению в суд». В любом случае, в целях пункта ключевое значение имеет не размер, а срок требования алиментов «задним числом», что подтверждает неправильность перевода терминов «extent» / «measure».

Перевод п. «f» (в русской нумерации – 5) ст. 11 можно номинировать в книгу рекордов Гиннеса в категории «максимум ошибок перевода в одной фразе». То, что должно было звучать, как «f. пределы обязательства должника по алиментам, если

²⁰Ст. 1087 ГК РК.

государственный орган требует выплаты компенсации, предусмотренной для кредитора вместо алиментов», выглядит следующим образом: «5. размер алиментного обязательства должника, если государственный орган требует компенсацию, предусмотренную для кредитора в месте уплаты алиментов». Здесь вместо буквенной нумерации допущена цифровая; «пределы» сужены до «размера»; обязательство, касающееся компенсации вместо алиментов, названо алиментным; «вместо алиментов» указано, как «в месте уплаты алиментов».

Необходимость расширительного толкования «*extent*» / «*mesure*» подтверждается тем, что Протокол, однозначно имея в виду только размер алиментов, оперирует терминами «*amount*» / «*montant*» (стст. 11.b, 14), впрочем, также переведенными, как «размер».

В ст. 13 «*extent*» / «*mesure*» переведены в другом контексте, но опять же неправильно: «в применении права... может быть отказано только в том случае, если последствия его применения будут явно противоречить публичному порядку суда». Здесь «*extent*» / «*mesure*» указывает не на случай противоречия иностранного права праву суда, но на меру отказа в его применении, иначе пришлось бы отказать в применении всего иностранного права, если бы публичному порядку противоречила лишь одна его норма. Таким образом, положение должно читаться, как «в той мере, в какой последствия будут противоречить публичному порядку». Обороту «в том случае» на аутентичных языках протокола соответствует «*in the case*» / «*dans ce cas*».

Искажен смысл п. d (в русской нумерации – 3) ст. 11 – «право, применимое к алиментным обязательствам, определяет... кто имеет право возбуждать процесс об алиментных обязательствах». Здесь имеется в виду не право возбуждения процесса, являющееся по ст. 150 ГПК РК прерогативой суда, а право подачи иска. И если английское «*to institute proceedings*» звучит слегка неоднозначно, французское «*intenter l'action*» не допускает какой-либо двусмысленности.

Пожалуй, ярче всего иллюстрирует некачественность переводчика и нерадивость ответственных лиц перевод статьи 7, в оригинале предоставляющей сторонам право договориться о применении права суда в целях конкретного производства («*a particular proceeding*» / «*une procédure particulière*»). Перевод говорит об «особом производстве», чем уничтожает возможность соглашения о применимом праве как таковую: в смысле ГПК РК «особое производство» является одним из видов судопроизводства, применяемым в отношении 18 категорий дел,²¹ не охватывающих взыскание алиментов.

Напоследок хотелось бы обратить внимание на ошибку, которую можно было бы избежать, будь допущен к экспертизе перевода хотя бы один специалист в области международного частного права. В ст. 9 «*domicil*» / «*domicile*», которое было бы уместно перевести как «домицилий», переведено как «постоянное место жительства»: «государство, которое имеет понятие «постоянного места жительства» как соединяющий фактор в семейных делах, может сообщить Постоянному бюро Гаагской конференции по международному частному праву, что для дел, которые возникают перед их органами, слово «гражданство» в статьях 4 и 6 заменено «постоянным местом жительства» как определено в том государстве».

²¹Ст. 302 ГПК РК.

Несмотря на то, что в континентальном праве «домицилий» в смысловом плане отождествляется с «постоянным местом жительства», очевидно, что в рамках универсального договора ему придается смысл, охватывающий понимание системы общего права. В статье говорится о «домицилии» как альтернативе «гражданству» – а именно в странах общего права, где отсылка к праву гражданства не решает коллизий ввиду множественности юрисдикций, основной коллизионной привязкой личного и брачно-семейного статута является *lex domicilii*. Тем более, что оговорку по указанной ст. 9 сделала только Ирландия – единственная страна *common law* из 31 участника Протокола.²²

Если «постоянное место жительства» повсеместно является вопросом факта, англо-американский «домицилий» требует также и намерения субъекта остаться в данной стране постоянно или на неопределенный срок²³ (т. н. домицилий выбора). Ключевым элементом является воля, а не факт – домицилием душевнобольного навсегда остается его домицилий до возникновения расстройства. В некоторых случаях для домицилия необязательно даже и проживание на территории, когда речь идет о домицилии происхождения, наследуемом от родителей (отца – для законнорожденного или матери – для незаконнорожденного). К тому же, в Ирландии сохранился «домицилий зависимости», по которой лицо, не достигшее 21 года и замужняя женщина имеют домицилий, соответственно, родителя и мужа.²⁴

Практический эффект указанной ошибки для Казахстана невелик, поскольку оговорка касается только дел, возникающих перед органами государства, сделавшего такую оговорку (на данный момент – только Ирландии). При этом, нельзя отрицать возможность неосновательного отказа в признании и приведении в исполнение ирландского решения, основанного на привязке к домицилию, не совпадающему с постоянным местом жительства. При всей сложности категории домицилия, даже если это была бы единственная ошибка во всем переводе, она неумолимо свидетельствует об игнорировании участия специалистов в законодательном процессе.

Заключение

Автор ни в коей мере не претендует на обнаружение всех дефектов перевода Протокола; более того, 10 студентов 4 курса отделения международного права Университета КАЗГЮУ в рамках факультативного задания по предмету «Практикум по международному частному праву» нашли ряд ошибок, не указанных в данной статье из соображений академической честности. Хотелось бы выразить им признательность – С. Абдумановой, А. Артуровой, К. Калиевой, К. Жұмабек, А. Мурат, А. Омаровой, О. Орынбасарову, Р. Рахметовой, М. Сакенову, А. Сапашевой – их работы убедили автора, что недостатки перевода очевидны даже для недипломированного специалиста. Удручает и одновременно вселяет надежду тот факт, что

²²Notification of Ireland to the Protocol on the Law Applicable to Maintenance Obligations // URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/notifications/?csid=1261&disp=resdn>

²³North P.M., Fawcett J.J. Cheshire and North's Private International Law. 13-th edition. London, Edinburg, Dublin: The Bath Press, 1999. P. 137.

²⁴Domicile and Habitual Residence // Irish Law Reform Commission. URL: http://www.lawreform.ie/_fileupload/consultation%20papers/wpHabitualResidence.htm

студенты 4 курса бакалавриата оказались более компетентны, чем вся законодательная номенклатура страны.

Принятие Закона РК от 9 апреля 2016 г. в нынешней редакции – результат халатного отношения, приближающегося к преступному (нарушение авторского права), могущий нанести существенный урон имиджу Казахстана в профессиональных кругах зарубежья. Закон, а точнее, приложения к нему необходимо подвергнуть изменениям, сопоставимым с пересадкой головы к новому телу. С последующим уведомлением об этом Гаагской Конференции, что не добавит нам авторитета перед этой уважаемой организацией, и дальнейшим уведомлением государств-участников.

До исправления перевода, во избежание неправомерных решений, судам и иным органам необходимо придерживаться изначального смысла Протокола на аутентичных языках по следующему алгоритму: 1) согласно ст. 4.3 Конституции, международные договоры, ратифицированные РК, имеют приоритет перед ее законами, порядок и условия их действия определяются законодательством; 2) по ст. 20 Закона «О международных договорах Республики Казахстан», действующий международный договор РК подлежит обязательному и добросовестному выполнению; 3) согласно ст. 1.15 того же Закона, аутентичный текст международного договора имеет преимущественную силу в случае расхождения между текстами, составленными на разных языках; 4) в заключительном положении Протокола его аутентичными языками указаны английский и французский языки.

Исходя из норм законодательства, суд применяет не акт о ратификации договора, а сам договор; кроме того, Закон о международных договорах прямо предписывает преимущественную силу аутентичного текста. Поскольку расхождение переводов с оригиналами очевидно, добросовестное выполнение договора, предусмотренное ст. 20 Закона, предполагает его толкование в оригинальном изложении.

Для недопущения таких ситуаций впредь, с учетом того, что ответственные лица даже не обременили себя попыткой самостоятельного перевода, автор считает необходимым *создание пула или реестра переводчиков* из ведущих научных центров с указанием отраслей профессиональной компетенции и владения языками. Обращение за их содействием должно быть обязательным и публичным, оплата – достойной в контексте общей суммы финансирования. Автор считает крайне нежелательным возложение перевода на филологов и вообще лиц, не имеющих юридического образования и опыта работы в юридической сфере.

Абстрагируясь от обстоятельств и последствий принятия Закона, можно сделать несколько выводов касательно методологии перевода.

Нет худа без добра – в тексте радуется применение, с легкой руки И.А. Орловой, латинского выражения «*inter alia*» без перевода. Таким же образом можно было бы отказаться от перевода краткого и емкого французского «*renvoi*» (обратная отсылка и отсылка к праву третьей страны). Можно надеяться, что этот прецедент даст импульс для прямой рецепции в отечественный правовой лексикон общепризнанных терминов и устойчивых выражений на иностранных языках.

Вместе с тем, перевод обнажает общераспространенную проблему кальки с английского на русский («*inter-personal conflicts*» – «*межличностные конфликты*») и дальнейшей кальки с русского на казахский («*межличностные конфликты*» – «*жеке адамдар арасындағы жанжалдар*»). В отношении международных до-

говоров не столь важно формальное соответствие лексических оборотов, сколько передача смысла положения, о чем свидетельствует нередкое текстуальное (но не содержательное) расхождение между английским и французскими текстами Протокола. С этой позиции, за основу перевода необходимо брать максимальное количество аутентичных текстов на разных языках. Здесь непереоценимы преимущества юридически более точного французского языка, к тому же, принадлежащего к континентально-правовому блоку.

Расхождения между переводами Конвенции (К.Д. Шестаковой) и Протокола (И.А. Орловой) указывают на необходимость отказа от пагубной практики перевода отдельных частей документа разными людьми. Если расхождения в текстах на русском языке, имеющем устоявшуюся единообразную терминологию – случай разовый, для текстов на казахском языке они давно стали бичом. Так, в одной лишь Общей Части ГК 1994 г. в отношении недвижимости 53 раза применен оборот «*жылжымайтын*» и 15 раз – «*қозғалмайтын*», причем различные обороты применены даже в названии и тексте единой статьи (стст. 236, 255). Очевидно, что один и тот же человек не стал бы переводить один и тот же термин двойко. Это увеличивает требования к переводчику – в идеале он должен уметь переводить с французского на казахский – однако, нельзя сказать, что казахстанская наука здесь и сейчас не обладает профессионалами такого уровня.

В общем, решение проблемы перевода юридических текстов не требует серьезных вложений государства. Необходимо лишь форматирование системного подхода, что представляется вопросом не средств, а ответственности и политической воли. Автор надеется, что неудачный перевод Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам 2007 г., останется единичным досадным упущением, и выражает готовность к сотрудничеству в данном направлении.

Н.С. Ешниязов: Аударма қиындықтары: Қазақстанның 2007 ж. алименттік міндеттемелерге қолданбалы құқық туралы Хаттаманы ратификациялауы туралы.

Қазақстан үшін ратификацияланатын халықаралық шарттарды аудару мәселесі әдетте қиындық туғызбайды – республикада көптеген халықаралық құжаттардың аутентті тілдерінің бірі – орыс тілі ресми қолданылады. Шарт басқа тілде жасалса, көп жағдайда шартқа бұрынырақ қосылған Ресейдің аудармасын пайдалануға болады. Бірақ, 2007 ж. Алименттік міндеттемелерге қолданбалы құқық туралы Хаттаманың мысалы Қазақстанның өз күшімен аударма жасауға дайын еместігін аңғартады. Мақалада Хаттама аударылғанда орын алған көптеген қателер көрсетілген және оларды жою мен болашақта болдырмауға байланысты ұсыныстар келтірілген.

Тірек сөздер: құқықтық аударма, алименттік міндеттемелерге қолданылатын құқық туралы Хаттама, халықаралық жеке құқық жөніндегі Гааг Конференциясы, коллизиялық құқық, халықаралық жеке құқық.

N.S. Yeshniyazov: Lost in Translation: About Kazakhstan's Ratification of the 2007 Protocol on the Law Applicable to Maintenance Obligations.

Translation of ratified international treaties usually does not create a problem for Kazakhstan as Russian is the authentic language for a great number of international

documents which is officially used in the Republic. If a treaty is written in the other languages, it is typical to use the already translated document of Russia which entered it earlier. But the example of the 2007 Protocol on the Law Applicable to Maintenance Obligations illustrates that the Republic is not yet ready for independent translation. The article discovers an array of mistakes of the Protocol's translation and provides some recommendations for their elimination and anticipation in the future.

Keywords: legal translation, Protocol on the law applicable to maintenance obligation, the Hague Conference on private international law, conflict of laws, private international law.

Библиография:

1. Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам. Перевод И.А. Орловой // Журнал международного частного права. 2008. № 3 (31).
2. Ешниязов Н.С. О термине «обратная отсылка и отсылка праву третьей страны» в международном частном праве // Materiály XII Mezinárodní vědecko-praktická konference «Dny vědy – 2016». Praha: Education and Science s.r.o, 2016. – P. 32-35.
3. Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи. Перевод К.Д. Шестаковой // Журнал международного частного права. 2008. № 3 (31).
4. North P.M., Fawcett J.J. Cheshire and North's Private International Law. 13-th edition. London, Edinburg, Dublin: The Bath Press, 1999.

References (transliterated):

1. Protokol o prave, primenimom k alimentnym obyazatel'stvam. Pervod I.A. Orlovoy // Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava. 2008. № 3 (31).
2. Yeshniyazov N.S. O termine «obratnaya otsylka i otsylka k pravu tretyey strany» v mezhdunarodnom chastnom prave // Materiály XII Mezinárodní vědecko-praktická konference «Dny vědy – 2016». Praha: Education and Science s.r.o, 2016. – P. 32-35.
3. Konvenciya o mezhdunarodnom poryadke vzyskaniya alimentov na detej i drugih form sodержaniya sem'i. Perevod K.D. Shestakovej // Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava. 2008. № 3 (31).
4. North P.M., Fawcett J.J. Cheshire and North's Private International Law. 13-th edition. London, Edinburg, Dublin: The Bath Press, 1999.